

A man with short brown hair, wearing a dark green military uniform with a fur collar and a red epaulet, stands in a snowy, icy environment. He has a serious expression and is looking slightly to the right. In the background, a large submarine with a glass-enclosed conning tower is visible, partially obscured by snow and ice. The sky is overcast and grey. The text "АРХИТЕКТОР НУЛЕВОГО МЕРИДИАНА" is overlaid in large, bold, white capital letters.

АРХИТЕКТОР НУЛЕВОГО МЕРИДИАНА

Олег Рычков

Олег Рычков

Архитектор нулевого меридиана

«Автор»

2026

Рычков О.

Архитектор нулевого меридиана / О. Рычков — «Автор», 2026

Сибирь не просто замерзает — её перестраивают. В вечной мерзлоте Якутии пробуждается нечто древнее и абсолютно чуждое человеческому разуму. Инопланетная машина, называющая себя Базисом, превращает города в идеальные стеклянные саркофаги, а людей — в детали своего механизма. Её цель — идеальный мир без боли, ошибок и свободы воли. Макс Шухов — архитектор катастроф из секретного отдела ГРУ. Человек с выжженным нейрошунтом в голове и протезом вместо руки. Там, где военные видят монстра, Макс видит лишь ошибку проектирования. Когда ядерный удар по эпицентру только ускоряет рост инопланетного купола, у человечества остается один безумный шанс: отправить группу смертников внутрь самого сердца машины. Их задача невыполнима: переписать законы физики чужой цивилизации, используя теорему Ферма, знание советских ГОСТов и чистую ненависть. Но чтобы победить абсолютную логику Праотцов, им придется принести в жертву единственное, что у них осталось — свою человечность.

© Рычков О., 2026

© Автор, 2026

Олег Рычков

Архитектор нулевого меридиана

Архитектор нулевого меридиана

Пролог: Спящий зонд

Глава 1

Год 1908. Эвенкийская автономная область. Ветер пах озоном за три дня до того, как небо лопнуло. Шаман Хукочар не спал четвертую ночь. Он жег жир нерпы не для тепла — огонь отпугивал геометрию. Она спускалась с севера невидимыми нитями, прошивая верхушки листовенниц. Там, где нити касались коры, дерево переставало быть деревом. Оно становилось идеальной прямой. Линейкой из камня, которая звенела на морозе фальшивой нотой.

А потом пришла Тишина. Не отсутствие звука, а его абсолютное отрицание. Воздух стал плотным, как стекло в старой раме. Хукочар видел, как падает звезда. Но она не летела вниз по дуге. Она *впечатывалась* в горизонт под углом ровно сорок пять градусов, игнорируя сопротивление атмосферы. Ударная волна обогнала свет.

Когда всё кончилось, над Подкаменной Тунгуской висело облако в форме идеального тетраэдра. В центре кратера не было воронки. Там рос лес. Но деревья стояли вверх корнями, их кроны были сплетены в правильный узел Мёбиуса, уходящий глубоко в вечную мерзлоту. Шаману запретили смотреть туда духи нижнего мира. Духи боялись чертежей.

Наши дни. Мирнинский район Якутии. Карьер трубки «Мирный». Мороз минус шестьдесят один по Цельсию плевался ледяной крошкой в панорамное остекление кабины буровой установки УКБ-4С. Внутри, однако, было душно от запаха озона и перегретого машинного масла.

— Глубина двенадцать тысяч сто метров, — монотонно бубнил бортовой компьютер женским голосом эпохи первых синтезаторов. — Плотность породы стабильна. Температура керна плюс четыреста восемьдесят. Отклонение от вектора... ноль целых, ноль десятых.

Главный геолог экспедиции, седой мужчина с лицом, похожим на печеное яблоко, ткнул прокуренным пальцем в монитор телеметрии. — Быть такого не может. Мы прошли кимберлитовую трубку насквозь полчаса назад. Сейчас мы должны грызть базальт архейского щита. А прибор показывает плотность вакуума. Что это за синусоида?

На графике вместо хаотичных пиков твердости гранита ползла идеально ровная волна. Черная линия амплитудой в миллиметр повторялась каждые две тысячи метров с точностью швейцарских часов. Геолог перекрестился дрожащей рукой. Это противоречило законам физики, гидрогеологии и здравому смыслу. Базальт не умеет петь.

— Стоп машина, — приказал он. — Полный стоп. Отводите колонну. Мне этот запах серы и озона с самого утра не нравится. Похоже на... Договорить он не успел.

Трос, удерживающий пятнадцатитонный алмазный бур, натянулся струной. Звук был такой, словно бог порвал басовую струну контрабаса. Буровая вышка, способная выдержать прямое попадание метеорита, жалобно взывала металлом. Оператор вдавил кнопку аварийного сброса давления. Гидравлика выплюнула клубы пара.

Но трос не оборвался. Он просто исчез. На мониторах глубины сменились красные строки ошибки: ОШИБКА СВЯЗИ С ЗОНДОМ. ПРОВЕРЬТЕ КАБЕЛЬ. Инженер связи сорвал наушники. — Шеф, там нет кабеля. Частота пустая. Абсолютный белый шум. Хотя погодите...

Он вывел звук на внешние динамики буровой. Из-под земли, с глубины двенадцати километров, куда только что провалился бур, шел звук. Низкий, утробный гул, который заставлял вибрировать зубные пломбы. Если бы чистый математический расчет имел голос, он звучал бы именно так. Это была частота резонанса самой планеты.

Геолог подошел к стеклу вплотную, всматриваясь во тьму карьера. Где-то там, внизу, в первозданном холоде, проснулось нечто. И оно ответило на удар молота идеальным уравнением.

Глава 2

База «Полюс-6» пахла озоном, мокрым бетоном и застарелым потом. Макс Шухов стоял под ртутной лампой в дезактивационном шлюзе, пока механические щетки сдирали с его гражданского комбинезона воображаемую пыль. На самом деле система просто тянула время, калибруя датчики перед входом в режимный сектор. Макс закрыл глаза. Сквозь веки он видел тепловые сигнатуры труб охлаждения, змеящихся по потолку. Идеальная паутина теплопотерь. Если бы проектировщики этой базы пригласили нормального инженера, они сэкономили бы министерству обороны пятнадцать процентов годового бюджета только на перераспределении узлов конденсации.

— Группа «Зенит», на выход.

Створки шлюза разошлись со звуком втягиваемого поршнями воздуха. Коридор уходил вниз широкой спиралью. Стены были выкрашены в тот самый казенный зеленый цвет, от которого к концу смены начинало тошнить даже самых стойких замполитов. Под ногами чавкал старый линолеум. Никакого хай-тека. Только голая функция, помноженная на паранойю Лубянки.

Их ждали в кабинете начальника сектора. За огромным дубовым столом, пережившим, кажется, самого Берию, сидел человек без лица. Не потому что оно было скрыто тенью, а потому что черты майора ГРУ Ивана Реброва состояли исключительно из прямых углов и жестких складок. Его взгляд был тяжелее свинцовой облицовки бункера.

На столе лежала распечатка сейсмограммы из пролога. Черная синусоида пульсировала на серой бумаге.

— Они прорвали западный ствол, — голос Реброва не допускал возражений, он констатировал факт крушения мироздания. — Тридцать гражданских инженеров НПО «Якуталмаз». Связь потеряна двенадцать часов назад. Когда спасательная бригада пробилась через завалы, шахтеры уже стояли. Замерзшие. Абсолютно. Температура тел — минус семьдесят два градуса при забойных минус сорока. Патологоанатом воет в радиогарнитуру, говорит, их кости звенят как хрусталь. Он отказывается вскрывать тела, боится, что пила рассыплется.

Ребров толкнул через стол планшетку с личным делом. — Ваши люди должны спуститься. Оценить стабильность свода. И вытащить дневники главного геолога Полищука. Он вел лог вручную до последней секунды. Живыми инженеры нам больше не нужны. Нам нужно знать, что именно мы там разбудили.

Громов, сидевший на подоконнике, громко клацнул фиксаторами на гидравлических поршнях своего скафандра «Кристалл-2». Система приняла это за команду готовности. Гидравлика тихо зашипела, тестируя давление. Громов всегда хотел быть первым в драке, компенсируя этим скорость работы собственного мозга. Воронова молча крутила в пальцах компас Адрианова. Стрелка давно сошла с ума и вращалась против часовой стрелки, словно пытаясь вернуться в прошлое, где физика еще работала.

А Макс взял карандаш. Тот самый, который таскал за ухом со времен Бауманки. Он подошел к столу, проигнорировав личное дело, и провел жирную прямую линию поверх красной зоны обрушения на карте штреков. — Вы зря заливаете ствол жидким азотом, товарищ майор, — спокойно сказал Шухов, не отрывая взгляда от чертежа. — У азота коэффициент теплового расширения почти в три раза выше, чем у базальта. Вы сейчас не морозите аномалию. Вы создаете идеальный термический капкан. Через сорок минут потолок западной ветки сложится внутрь под давлением расширяющегося льда. Нас похоронит вместе с дневниками вашего геолога на глубине трех километров. Разрешите скорректировать маршрут спуска?

Ребров медленно поднял голову. В его глазах впервые мелькнуло нечто похожее на интерес. — Поправка принята, архитектор. Что вам нужно для входа?

Макс положил карандаш ровно параллельно краю стола. Движение было доведено до автоматизма. — Двадцать метров армированного кабеля связи старого образца. Ваша электроника умрет в километре от эпицентра. Мне нужен чистый медный проводник. И отмените приказ о затоплении ствола. Азот заберете после того, как мы вернемся. Или когда перестанем выходить на связь.

Майор Ребров посмотрел на карандаш, затем на Макса. Впервые за десять лет службы контрразведчика ему отдавал приказы штатский гражданский специалист. Но глядя на эту идеальную параллельность линий на секретной карте, Иван понял одну простую вещь: если кто-то и способен выжить в месте, где сама материя решила перестать быть собой, то только этот парень с мертвыми глазами, видящий трещины в фундаменте вселенной.

— Грузовой лифт уходит через двадцать минут, — сухо бросил Ребров, поднимая трубку закрытой связи. — Отмена криогенной фазы. Готовьте кабель. Свободны.

Когда дверь гермошлюза закрылась за их спинами, отрезая кабинет особиста, Ворона подошла ближе к Максусу. Она не говорила, но её вопрос висел в воздухе плотнее бетона. *«Ты ведь понятия не имеешь, что нас ждет внизу, правда?»*

Макс поправил лямку рюкзака с диагностическим оборудованием и шагнул к грузовому лифту. — Имею, — ответил он, вызывая кабину. — Там нарушен сопромат. А любую ошибку проектирования можно исправить, если правильно рассчитать вектор давления.

Двери лифта сомкнулись, погружая их в узкую металлическую коробку, пахнущую машинным маслом и неизбежностью.

Индикатор на внутренней стороне шлема Макса Шухова моргнул янтарным. *«Кокон-3 герметичен. Активирован замкнутый цикл дыхания»*. Глухой удар по обшивке — сигнал пилота штурмового вертолета Ми-8АМТШ «Терминатор». Три секунды до сброса. Макс сидел в противоперегрузочном кресле, намертво пристегнутый к раме экзоскафандра «Кристалл-2». Слева тяжело дышал Громов — его паротурбинный ранцевый двигатель тихо гудел, выходя на рабочую температуру, отчего кабина пахла раскаленным металлом и озоном. Справа замерла Воронова. Её пальцы в тактовых перчатках беззвучно скользили по сенсорному экрану наручного сканера. Она уже видела магнитные поля внизу. И они ей не нравились.

— Пошел! Пошел! Пошел!

Пол ушел из-под ног. Удар гравитации вдавил легкие в позвоночник. Капсула свободного падения была похожа на пулю с прозрачным носом. За бронестеклом проносился вертикальный ледяной колодец — западный ствол кимберлитовой трубки. Стены мелькали сплошным белым месивом, подсвеченным только вспышками статики. Температура за бортом падала так стремительно, что датчики костюма не успевали обновлять цифры. Минус семьдесят. Минус восемьдесят.

Макс активировал модуль «Геодезист». Мир перед глазами расслоился. Белый шум льда исчез, уступив место прозрачной схеме. Он видел их капсулу как красную точку, летящую сквозь серую массу замерзшей воды. Но главное он увидел глубже. На глубине восьмисот метров идеально ровная шахта заканчивалась. Дальше начинался хаос. Базальт был разорван, вывернут наизнанку и сплетен в узлы, которые противоречили евклидовой геометрии. Черные фрактальные жилы пульсировали в темноте, словно артерии спящего гиганта.

Удар о дно был мягким. Система рекуперации костюма поглотила кинетическую энергию, превратив падение в плавное касание. Магнитные захваты на подошвах щелкнули, впинаясь в крошку раздробленного гранита. *«Статус: норма. Отклонение от точки высадки — ноль метров»*, — прошелестел синтезированный голос в ушном канале.

Сверху, со свистом разрезая воздух, упали еще две капсулы. Сработали пиропатроны, отбрасывая титановые носы-обтекатели. Первым наружу выбрался Громов. Его костюм издал звук стравливаемого пара. Он поднял тяжелый гаусс-излучатель системы «Игла-П», поводит

стволом из стороны в сторону. Для него любая дыра в земле — это просто коридор, где можно спрятаться от ответного огня. — Чисто. Холод собачий. Зажигалка бы примерзла к губам.

Следом приземлилась Ворона. Она присела на одно колено, прижав два пальца к виску. Костюм считывал альфа-ритмы её мозга, накладывая тепловую карту поверх зрения. — Западный сектор забит помехами, — её голос звучал отстраненно, почти механически. — Вышки КВАН корейцев работают на полную, но это не их частоты. Здесь фонит всё. Железо хочет улететь вверх. Если снимем перчатки — нас притянет к потолку. А температура породы... плюс триста. Мы стоим над грилем, шеф.

Макс вышел последним. Он не смотрел по сторонам. Он смотрел под ноги. Там, где тяжелые ботинки Громова оставили следы в гранитной пыли, стены царапин начали медленно затягиваться. Камень «запоминал» форму и восстанавливал свою структуру, игнорируя законы кристаллографии. Идеальная амнезия материи.

Впереди чернел провал технического лифта, ведущего на нижние горизонты. Кабина отсутствовала — она лежала в десятке метров ниже, сплюснутая в идеальный металлический блин. Рядом с ней стоял советский проходческий комбайн «Карачаровец». Или то, что от него осталось. Буровая корона машины вращалась. Медленно, абсолютно бесшумно, хотя электричество в этом секторе было отключено еще советскими инженерами в восьмидесятых. Зубья вгрызались в стену, выкидывая облачка алмазной пыли. Комбайн строил новый туннель. В никуда.

— Полищук спустился туда, — Макс кивком указал на черный провал. — Дневники у него с собой. Ручная запись на случай отказа электроники. Значит, бумага должна быть цела. — Бумага превращается в стекло при таких перепадах, — буркнул Громов, меняя энергоячейку в винтовке. — Да и сам Полищук тоже.

Макс подошел к краю шахты. Наверху, закрывая небо, сходились створки аварийных гермоворот. Сквозь щели сочился густой, белый жидкий азот. Майор Ребров начал процедуру запечатывания сектора раньше времени. Ледяная река потечет сюда через шесть минут. Давление расплющит их костюмы в фольгу.

— Азот нам поможет, — спокойно сказал Шухов. Он снял с пояса бухту старого медного кабеля связи. — Лена, мне нужен резонанс этой жилы. Точная частота пульсации на отметке минус девятьсот. До сотых долей герца. У тебя три минуты. Воронова молча подняла руку. Её сканер выдвинул длинную тонкую антенну. Она закрыла глаза, погружаясь в электромагнитный шум умирающей планеты.

Макс тем временем разматывал кабель. Он действовал быстро, но без суеты. Каждое движение было рассчитано. Он опустил медный конец провода в черную бездну лифтовой шахты. Медь — лучший проводник не только электричества, но и тепла. Когда первые потоки жидкого азота хлынули сверху, заливая провал, Шухов отдал команду: — Теперь спускаемся. Режим «Гидроупор». По моей команде. Раз... Два...

Ледяная стена упала на них сверху. Жидкая смерть температурой минус сто девяносто шесть градусов заполнила пространство. Звук удара миллиардов молекул о броню был оглушительным. На счет «Три» Макс активировал протокол. Экзоскафандр покрылся тонкой пленкой сверхплотного силового поля. Окружающая среда на мгновение стала для них твердой, как мутное стекло. Поток азота разбился о невидимый купол, рассыпаясь мириадами снежинок. Они стояли на дне ледяного водопада. Время замедлилось. Каждая секунда давила на грудную клетку весом целой Антарктиды.

— Вперед, — выдохнул Шухов, делая шаг сквозь застывшую реку. — Пока сопромат на нашей стороне.

Акт I. Западный ствол

Глава 3

Жидкий азот обжигал хуже огня. Там, где сверхплотное поле «Гидроупора» истончалось на стыках бронепластин «Кристалла-2», минус сто девяносто шесть градусов въедались в титан не как холод, а как кислота. Системы охлаждения шлемов работали на пределе, выбрасывая отработанный перегретый пар прямо под ноги. В свете нашлемных фонарей этот пар не рассеивался — он кристаллизовался в секунды, оседая на плечах тяжелой алмазной коркой. Каждый выдох превращался в облако битого стекла, которое тут же летело обратно в дыхательный фильтр.

Внутренняя связь фонила белым шумом. Протоколы шифрования сходили с ума от электромагнитной бури, бушующей внизу. — Шахта лифта перекрыта на уровне БИС-4, — голос Вороны в командном канале звучал безжизненно, фильтрованный вокодером до состояния машинного кода. Она висела на стене, прижавшись к ней спиной так плотно, что Макс слышал через динамики скрип её магнитных захватов о сталь. — Дальше только технические короба вентиляции. Полтора метра в диаметре. И они заполнены им до потолка. Если мы сунемся туда в режиме невидимости, сенсоры костюмов примут нас за куски льда. Мы ослепнем.

Макс Шухов не смотрел вверх, на медленно опускающуюся стену жидкого азота, которая уже поглотила нижний край их капсулы. Он смотрел сквозь пол. Модуль «Геодезист» подсвечивал алым зону критического давления глубоко под ними. Они стояли на крышке огромного подземного котла. Глубже, на отметке минус тысяча метров, фрактальные жилы Архитекторов разогревали базальт до трехсот градусов. Если костюм Громова даст сбой хотя бы на секунду, его расплавит заживо вместе с породой. Но Макса пугало не это. Его пугала тишина. Базальт не должен остывать так быстро. Тепло уходило вниз, словно планета втягивала его в себя через соломинку. — Режим «Статика» при подъеме по коробам запрещен, — бросил Макс, проверяя крепление карабина на поясе. Пальцы левой руки уже начали терять чувствительность, несмотря на подогрев перчаток. Нервы бастовали. — Любое резкое движение создаст волну разряджения. Азот вскипит мгновенно. Нас разорвет расширяющимся газом раньше, чем мы успеем моргнуть. Лена, ищи микротрещины в крепи. Нам нужен естественный ток воздуха, любая щель наружу.

Громов хмыкнул так, что динамик шлема едва не лопнул от низких частот. Его массивная фигура почти полностью перегораживала узкий проход, который они пробили гаусс-излучателем в ледяной пробке десятью минутами ранее. От него пахло озоном и мокрым железом. — Я вешу двести кило в полной выкладке, архитектор. Какие, к черту, микротрещины? Я просто пойду снизу. Если эта кишка начнет схлопываться, я стану распоркой. Мои сервоприводы выдержат пару сотен атмосфер. — Ты станешь поршнем, — отрезала Ворона, не открывая глаз. Её зрачки двигались под веками — она считывала тепловые карты. — Твоя масса выдавит весь азот вперед. Прямо нам в лица. До испарения мягких тканей еще до того, как сработают системы экстренной заморозки шлемов. По моим расчетам, у нас есть восемнадцать секунд запаса до того, как Ребров взорвет внешние гермоворота. Потом давление снаружи вырастет втрое. Нас впечатает в эту стену навсегда. Останутся только идеально ровные красные пятна на бетоне.

Макс отстегнул от пояса компактный буровой резак. Плазменный картридж сидел неплотно — вибрация при высадке расшатала замок. Одно неверное движение, и струя плазмы пойдет внутрь ранца. — Значит, будем управлять потоком. Физика — это просто инструмент. Закрой забрала. Синхронизация дыхания. Начинаем обратный отсчет по моему импульсу связи.

Он первым шагнул в вертикальную трубу. Магнитные захваты щелкнули, впиваясь в потолок короба. Руки в тактовых перчатках нашли опору там, где обычный человек увидел бы гладкую, покрытую изморозью сталь. Макс чувствовал напряжение металла костями. Короб вибрировал. Это была не дрожь механизмов. Труба пела. Низкая, утробная нота, совпадающая

с частотой пульсации той черной синусоиды из карьера. Снизу поднимался жар, сверху давил мертвящий холод. Сталь стонала, пытаясь разорваться между двумя абсолютами.

Включился резак. Тонкая струя голубоватой плазмы ударила в верхний шов короба. Но вместо того, чтобы просто прорезать дыру для выхода газа, Шухов повел дугу по спирали. Он не выпускал азот наружу. Он заставлял его вращаться внутри трубы, создавая контролируемый тороидальный вихрь. Центробежная сила прижимала смертоносную жидкость к стенкам, освобождая узкую нить чистого пространства ровно посередине. — Сейчас, — выдохнул он, чувствуя, как капли пота стекают по вискам, замерзая прямо на коже под шлемом.

Воронова открыла глаза. Резкое движение головой в тесноте чуть не привело к дезориентации. Её сканер зафиксировал смещение воздушных масс. Красные линии на визоре Макса сменились желтыми. — Есть противоток. Наверху образовалась зона низкого давления. Подъем возможен... около сорока секунд. Потом система уравновесится, и газ рухнет вниз всей массой. Нужно успеть проскочить гребень волны.

— Пошли цепочкой, — скомандовал Макс. — Интервал два метра. Не касаться стен. Кто дотронется до льда или внешней стенки — теряет конечность. Турбулентность отрежет всё, что не закреплено.

Первым пошел Громов. Несмотря на габариты, он двигался с грацией тяжелого танка, идущего по минному полю. Он упирался руками и ногами в противоположные стенки короба, используя костюм как жесткую ферму моста. За ним начала подъем Воронова. Её движения были текучими, противоестественными. Она буквально перетекала из одной точки опоры в другую, используя малейшие выступы арматуры, игнорируя гравитацию. Для неё этот коридор был не трубой, а трехмерным графиком.

Макс шел замыкающим. Для него этот подъем был не физическим испытанием, а решением дифференциального уравнения в реальном времени, где переменными были жизни двух людей над ним. Он плыл в собственном потоке. Когда очередная порция жидкого азота срывалась сверху, пытаясь заполнить вакуум, Шухов встречал её коротким импульсом «Статики». Костюм поглощал кинетическую энергию падающей жидкости, превращая разрушительный удар в мягкое тепло, которое тут же рассеивалось охладителями с жалобным воем турбин. Он ловил смерть ладонями и выплевывал её обратно теплом, стараясь не обварить спину Вороны.

На середине пути коробка резко накренилась. Где-то внизу, на горизонтах добычи, обрушилась главная штрек-крепь. Ударная волна прошла через породу, как нож сквозь масло. Магнитные захваты Вороны соскользнули со стали, потеряв сцепление из-за мгновенного скачка температуры. Её тело начало падать вниз, прямо в кипящее облако пара, образовавшееся над головой Громова. Время для Макса всегда делилось на миллисекунды. Сейчас оно растянулось в вязкую смолу.

— Контакт! — рявкнул штурмовик. Он даже не повернул головы. Просто выбросил руку назад, вбивая кулак в пустоту. Гидравлические клешни «Кристалла-2» сомкнулись на лодыжке девушки с силой гидравлического пресса. Зубья фиксаторов прошли сквозь броню ботинка, намертво впиваясь в композит экзоскелета. Искры посыпались Вороне прямо в лицо, застревая в ресницах. — Держу. Титановая кость выдержит, но сервопривод голени мне сейчас вырвет с мясом. Клянусь богом, Макс, если ты меня уронишь, я вернусь призраком и пересчитаю тебе все зубы. У меня перегрев контура! Датчики плавятся!

Шухов находился прямо под ними. Он видел, как индикаторы температуры на спине Громова ползут в красную зону. Паротурбина выла на грани взрыва. Еще десять секунд, и вода внутри костюма превратится в пар изнутри, сварив штурмовика

заживо в его собственной скорлупе. Решение пришло мгновенно. Оно было безумным, математически изящным и нарушало все протоколы безопасности ГРУ, написанные кровью таких же инженеров. Но Макс привык доверять цифрам больше, чем уставам.

— Отдай мне лишнее, — приказал он, переворачиваясь в воздухе одним точным движением пловца и принимая горизонтальное положение прямо под падающими товарищами. Теперь он лежал на спине, глядя на них снизу вверх, разделяя пространство трубы своим телом. — Громов, сбрось избыточное давление турбины через нижние клапаны отдачи. На мой контур. Жестко! Всю обратку на меня! — Ты спятил?! — прохрипел Громов. Из-под его шейного кольца валил густой белый дым. — Тебя сожжет к чертовой матери! Система защиты отключится! — Делай! — голос Макса стал металлическим, лишенным всяких эмоций, кроме холодной ярости архитектора, чей проект пытаются уничтожить. — Направленный вектор! Мне нужна энергия для барьера! Сейчас же!

Штурмовик не спорил. В ситуации, когда формулы диктует Шухов, споры заканчиваются похоронами. Он щелкнул тумблером на бедре, ломая пластиковую предохранительную скобу. Из выхлопных портов его ранца ударили две струи раскаленного пара под давлением в сорок атмосфер. Температура потока превышала пятьсот градусов. Удар пришелся точно в наплечники Шухова. Мир для Макса исчез в белой вспышке боли. Нервные окончания взвыли, сообщая мозгу о полном разрушении левого плеча. Протокол «Статика» взвыл, пытаясь компенсировать неконтролируемый приток энергии. Нервная система взорвалась сигналами о критическом повреждении термоизоляции. Боль была настолько яркой, что перед глазами поплыли черные круги. Но барьер удержал. Жар ушел в накопители костюма, окрашивая внутреннюю схему визора в тревожный багровый цвет.

Макс активировал ладони. Накопленная энергия Громова, помноженная на его собственный резонанс поля, вырвалась наружу широким куполом золотистого света. Кипящий азот и водяной пар расступились, создав вокруг троицы пузырь абсолютной сухости и комнатной температуры. Золотые руны интерфейса плясали перед глазами, сливаясь с пульсирующей болью в плече. — Пятнадцать секунд до закрытия внешних ворот, — бесстрастно сообщила Ворона, чей костюм автоматически вводил ей морфоформинговый блокатор боли в бедренную артерию. Её голос дрогнул впервые за миссию. — Мои магниты снова держат. Я могу идти. Макс? Ты в порядке?

Громов молчал. Его кулаки сжались так, что затрещали суставы пальцев, а гидравлика протестующе закрипела. Только что штатский очкарик, теоретик, которого приставили к ним как няньку, использовал его самого мощного бойца как простую батарейку, приняв на себя удар, способный испарить танк. И выжил. Штурмовику потребовалось всё самообладание, чтобы не нажать на спусковой крючок гаусса прямо сейчас, прошивая архитектору затылок.

— Десять секунд, Макс, — поторопила Воронова. — Ток стабилизируется. Мы застрянем здесь, если не начнем двигаться. Ворота закрываются.

Шухов погасил щит. Энергия упала до пяти процентов. Индикатор модуля «Геодезист» моргнул красным и отключился — сенсоры ослепли от перегрузки, превратившись в комок бесполезного пластика. Мир снова стал просто темной металлической трубой. — Теперь быстро. Как пробки из бутылки.

Они преодолели оставшиеся тридцать метров за семь секунд. Это был полет мотыльков над газовой горелкой. Выбив остатки вентиляционной решетки плечами, один за другим вывалились в сухой технический коридор уровня БИС-5. Едва магнитные подошвы последнего коснулись бетона, глубоко внизу, запечатывая западный ствол навсегда, глухо ухнуло кумулятивные заряды майора Реброва. Туннель тряхнуло. Поток жидкого азота окончательно отсекло от верхних уровней. Давление выровнялось с оглушительным хлопком, от которого заложило уши даже через фильтры.

Наступила тишина. Только натужно гудели системы рекуперации тепла в костюме Макса, пытаясь спасти то, что осталось от его нервных волокон. Он лежал на спине, глядя на бетонный потолок. Левая рука не слушалась. Перчатка была прожжена насквозь, обнажив покрытую серыми волдырями кожу. Запах паленого мяса смешивался с запахом озона и собственного

пота. Концентрация адреналина в крови начинала падать, возвращая телу осознание повреждений.

— Расчет окончен, — прошептал он в пустоту канала связи. Голос сел. — Давление выровнялось. Термодинамика сбалансирована. Мы не превратились в молекулы.

Громов подошел к нему, нависая черной горой. Посмотрел на обугленную перчатку, затем на свои собственные датчики, показывающие ноль повреждений благодаря вовремя сброшенному пару. Вода в его системе охлаждения всё ещё шипела. — Следующий раз, архитектор, — прорычал он, протягивая Максу огромную руку, — предупреждай, когда решишь использовать меня как огнемет. Моя гордость восстанавливается дольше, чем твоя шкурка.

Макс проигнорировал протянутую руку. Силовым импульсом здоровой правой руки он оттолкнулся от пола и встал сам. Сустав левого плеча хрустнул, отказываясь сгибаться. — Гордость имеет низкую структурную целостность, Громов. Она дает трещины при первом же нагреве. В следующий раз оставь её на базе. Вместе с лишним весом.

В конце коридора, привалившись к переборке главного грузового шлюза, сидел человек. Вернее, то, что им казалось человеком. Фигура была покрыта слоем инея толщиной в палец, но форма оставалась узнаваемой. Комбинезон инженера «Якуталмаза». На груди тускло поблескивал бейдж: *Полищук А.Д.*

Ворона присела рядом, сканируя объект. Её движения теперь казались осторожными. Она боялась дышать на эту статую. — Температура тела стабильна. Минус семьдесят три. Кристаллизация затронула только внешние ткани. Внутри... внутри всё еще кровь. Она не замерзла. Плотность изменилась. Он... законсервирован. Как жук в янтаре. Сердце не бьется, но электрические потенциалы в мышцах сохраняются. Она осторожно сняла с шеи геолога герметичный планшет. Экран не подавал признаков жизни, корпус покрылся сеткой трещин от перепада температур, но индикатор записи на боковой панели горел ровным зеленым светом. Автономный лог работал всё это время, фиксируя последние вздохи базы.

Макс подошел к шлюзу, ведущему в главный зал кимберлитовой трубки. Он не стал включать сканер. Ему не нужны были цифры, чтобы понять масштаб катастрофы. Он приложил здоровую ладонь к холодной стали двери. Даже сквозь боль обожженных нервов, сквозь фильтры обезболивающего, он почувствовал это. За дверью дышало нечто огромное. Оно не просто существовало. Оно *наблюдало*. Оно считывало вибрации их шагов, температуру их тел, частоту сердечных сокращений. И оно перестраивало архитектуру базы прямо сейчас, этаж за этажом, подгоняя старый советский бетон под свой нечеловеческий стандарт красоты. Оно изучало их. Как инженер изучает новый вид кирпича перед началом строительства.

Глава 4

Бумага хрустнула не от мороза. Она рассыпалась в прах от самого факта прикосновения. Макс опустился на одно колено рядом с Вороной. Левая рука висела плетью, рукав костюма ниже локтя превратился в черную корку из обугленного полимера и собственной кожи. Нейрошунт под ключицей посылал короткие разряды боли в мозг, имитируя работу отсутствующих нервных окончаний. Это отвлекало. Боль всегда помогала Шухову концентрироваться на геометрии, но сейчас геометрия вокруг него сходилась с ума.

— Пульса нет, метаболизм на нуле, — тихо докладывала Ворона, водя сканером над грудью Полищука. — Но бета-ритмы... они всё еще фиксируются. Глубокая кома? Или это остаточное эхо «Синдиката» в его нейронах? Он видит сон внутри этого льда.

Макс не ответил. Его взгляд был прикован к нагрудному карману инженерного комбеза. Там, под слоем прозрачного, как стекло, замерзшего конденсата, угадывался прямоугольник брезентовой обложки. Бумажный журнал. Приоритеты ГРУ требовали сначала изъять электронику, проверить частоту маяка, зачистить периметр. Но Макс знал: цифры лгут там, где меняется физика. Только бумага хранит последнюю правду человеческой руки. Если она еще способна держать ручку.

— Дай мне свой термоклин, — попросил он. Ворона молча отстегнула от пояса тонкий титановый стержень с мономолекулярной заточкой. Инструмент для точечной резки металла. — Ты собираешься выковыривать его кусок за куском? — спросила она. — Одно неверное движение, и мы стряхнем кристаллическую решетку. Журнал превратится в пыль вместе с ребрами. — Я не буду его резать, — Макс покачал головой. От этого движения перед глазами поплыли красные пятна. Системам жизнеобеспечения едва хватало мощности, чтобы поддерживать давление в поврежденном плечевом сегменте. — Лед ненавидит пустоту, но любит равновесие. Чтобы освободить бумагу, нужно заполнить пространство теплом. Медленным, органическим. Не плазмой. Иначе мы сварим целлюлозу изнутри.

Он посмотрел на Громова. Штурмовик стоял спиной к ним, контролируя вход в шлюз. Его массивная фигура излучала столько избыточного тепла, что иней на стенах напротив начал оплавляться, стекая темными каплями. — Если ты включишь обогрев своего ранца на максимум и направишь выхлоп вниз, ты расплавишь инженера до костей за десять секунд, — бросил Громов, не оборачиваясь. — А заодно прожжешь палубу до магмы. Мне потом писать рапорт о порче государственного имущества? — Мне нужен твой плащ, — проигнорировал выпад Макс. — И твоя спина. Становись между мной и дверью. Закрой меня собой.

Громов хмыкнул, но спорить не стал. Он шагнул вперед, закрывая Макса и тело Полищука своей широкой тенью. Титановые пластины на его спине были горячими на ощупь даже сквозь броню. Воздух вокруг них задрожал от восходящего потока.

Макс медленно, стараясь не потревожить хрупкую конструкцию, расстегнул магнитные фиксаторы левой перчатки. Обожженная плоть отозвалась вспышкой агонии. Он стянул перчатку зубами здоровой руки и отбросил в сторону. Затем аккуратно закатал обгоревший рукав поддевки. Кожа была белой, как мел, покрытой багровыми пузырями ожогов второй степени.

— Что ты делаешь? — голос Вороны дрогнул. Она поняла план. — Макс, твоя кожа слезет при таком градиенте. Локальное охлаждение костюма отключено из-за повреждения контура. Ты получишь обморожение третьей степени за тридцать секунд. — За двадцать, — поправил Шухов. — Этого должно хватить.

Он протянул здоровую правую руку и коснулся ледяной груди Полищука. Холод ударил по нервам сильнее, чем жар турбины Громова. Это был не просто мороз. Это было отрицание самой жизни. Минус семьдесят три градуса впились в ладонь, пытаясь высосать тепло не через теплопроводность, а через простое поглощение энергии. Макс почувствовал, как влага под кожей начинает кристаллизоваться. Боль была чистой, математической. Идеальная точка замерзания ноль градусов Цельсия казалась теперь недостижимым тропическим раем.

— Десять сантиметров левее, — скомандовал он Вороне, не отрывая взгляда от журнала. — Держи клинок параллельно плоскости кармана. Угол наклона два градуса. Если лезвие уйдет вглубь больше чем на миллиметр — режь мне сухожилия, я не должен дернуться.

Ворона сглотнула, зафиксировала запястье Макса своим коленом, придав ему жесткость станины, и приставила острие к льду прямо над краем журнала. — Готово.

Макс закрыл глаза. Он перестал быть человеком. Он стал теплообменником. Его правая ладонь прижалась ко льду. Он активировал последние крохи резервной мощности «Кристалла-2», перенаправив всю энергию со стабилизации плеча на микроциркуляцию крови в правой руке. Костюм протестующе взвыл сиреной критического перегрева ядра. Кровь должна оставаться жидкой. Тепло начало перетекать из его тела в мертвую материю. Сначала ничего не происходило. Лед держался мертвой хваткой. Затем, миллиметр за миллиметром, прозрачная толща начала темнеть. Капля воды родилась на поверхности. Она не упала. Она поползла вбок, огибая край брезента, ища путь наименьшего сопротивления.

Это была самая медленная дуэль в истории. Человек отдавал свою жизнь сантиметру бумаги. Левая рука Макса, висящая вдоль тела, начала покрываться белым инеем. Мороз под-

нимался от пола, чувствуя открытый участок живой плоти. Снежинки оседали на бровях, тут же тая и заливая глаза соленой влагой. — Режь, — прохрипел он.

Острие титана вошло в лед. Звук был похож на визг бормашины в черепе. Ворона вела линию строго по краю журнала, срезая лишнее, освобождая пути для талой воды. Ледяная крошка летела Макс в лицо. Он чувствовал, как вода касается его теплой ладони. Она тут же примерзала к коже тонкой пленкой, вытягивая калории. Полищук под ними издал тихий, влажный треск. Кристаллическая структура его грудной клетки начала перестраиваться. Льду не нравилось вторжение тепла. Он пытался изолировать источник, сжимаясь, становясь еще тверже.

— Оно сопротивляется, — выдохнула Ворона. По её виску тек пот, мгновенно замерзающий на ресницах. — Температура в точке контакта падает. Макс, если продолжишь, потеряешь кисть. Протокол ампутации сработает автоматически, костюм уже готовит инъекцию морфия. — Еще пять миллиметров, — зубы Макса были плотно сжаты, челюсть свело судорогой. Он видел внутренним взором формулы теплового расширения. Он рассчитывал скорость таяния. Математика говорила, что он успевает. Биология кричала, что он ошибается. — Режь глубже. Мы почти у цели.

Словно услышав его, последний замок льда сдался. Тонкая струйка теплой, почти горячей воды ударила точно в щель между брезентом и льдом. Она просочилась внутрь. Макс резко, рывком, который стоил ему остатков сил, выдернул ладонь. На коже остались куски примерзшего эпителия и несколько белых островков обморожения. Рука горела так, словно ее окунули в кислоту, а затем в жидкий азот одновременно.

Ворона одним точным ударом выбила журнал из кармана. Твердый прямоугольник упал на бетон с глухим стуком. Он был покрыт мокрым бисером влаги. Брезентовая обложка почернела от холода, но держалась.

— Назад! — рывкнул Громов. — Дверь! Тяжелый грузовой шлюз позади них начал смываться. Автоматика базы решила запечатать уровень окончательно. Магнитные захваты штурмовика взвизгнули по полу, когда он бросился к кнопке ручного управления, прыгая через обломки.

Макс схватил журнал здоровой рукой. Пальцы не слушались. Он поднес находку к свету фонаря Вороны. Вода на страницах начала стремительно замерзать снова, превращаясь в мутный налет. Чернила могли потечь. Нужно было действовать быстро.

— Свети сюда, — приказал он Вороне. — Максимальный фокус. И готовь диагностический порт. Мы подключим это напрямую ко мне. — Что? Нет, Макс, протокол запрещает ввод непроверенных носителей в нейрошунт после контакта с фрактальной средой! Тебя сожжет вирус! — Меня уже жжет, — отрезал Шухов. Он ногтем, осторожно, чтобы не порвать размокшую бумагу, поддел край первой страницы. — Нам нужны координаты эпицентра. Если мы не узнаем вектор переустройства до того, как Ребров взорвет внешнюю стену, мы выйдем наружу прямо в жерло вулкана. Подключай. Синхронизация только на чтение. Запрет на запись в мою долговременную память.

Ворона колебалась секунду. Затем присела рядом, доставая гибкий оптико-волоконный кабель. Она вставила штекер в разъем на затылке Макса, чуть ниже основания шлема. Второй конец она подсоединила к планшету.

Шухов открыл страницу. Чернила расплылись. Текст превратился в серое пятно. Проклятье. Холод уничтожил химическую структуру пасты. Информация потеряна. Но потом он заметил кое-что еще. На обратной стороне листа, там, где ручка прижималась к бумаге дольше всего, остался физический след. Углубление. Буквы продавили целлюлозу. Макс перевернул страницу к свету под углом. Косое освещение упало в канавки букв. *«Они растут вверх ногами...»* Дальше — смазанный след. Он перелистнул дальше. *«Температура породы*

растет, но кровь... кровь кипит при минус десяти. Они строят храм из наших вен. Координаты сферы...»

— Читай вслух, — прошептал Макс, чувствуя, как холодный кабель в затылке начинает нагреваться. Данные передавались. — Всё, что видишь. Даже если это кажется бредом.

Ворона склонилась над его плечом, водя пальцем по выдавленным строкам. Её голос звучал отстраненно, переводя мертвую топографию бумаги в звук: — «Я пробил нижний свод. Там нет дна. Там полость размером с город. Металл течет как сироп. Корейцы... они не бурили. Они приносили жертвы. Их вышки КВАН не глушат связь. Они звонят в колокол. Зовут Хозяина. Координаты центра масс объекта...» Она замолчала. Палец застыл на строке. — Что там? — переспросил Макс. Процессор в его голове уже выстраивал трехмерную модель по скудным описаниям безумца. — Макс... — голос Вороны впервые за миссию сорвался на шепот. — Он пишет, что объект не лежит *под* нами. Геотермальные датчики врал. Базальт слишком плотный для такой проводимости. Тепло идет сверху. Из пустоты. Она подняла голову и посмотрела прямо сквозь бетонный потолок бункера куда-то вверх, в многокилометровую толщу земли. — Полищук говорит, что сфера находится *над* нами. Между уровнем БИС-5 и поверхностью. Прямо в толще вечной мерзлоты. Мы прошли мимо неё, когда спускались в капсулах. Она встроена в сам лед. Мы живем у неё в подвале.

В этот момент дверь шлюза с лязгом встала на место, отрезая их от внешнего мира. Свет аварийных ламп мигнул и сменился с желтого на прерывистый красный. Сирена воздушной тревоги, которую никто не слышал десятилетиями, зашлась истошным воем. Где-то наверху, над тоннами бетона и замерзшей воды, майор Ребров принял решение. План «Молот Тора» перешел в активную фазу. Массивные кумулятивные заряды начали отсчет.

— У нас минута, — сказал Громов, возвращаясь к ним. Его лицо было бледным даже сквозь щиток. — Потом эта надгробная плита рухнет нам на головы. Куда копать?

Макс смотрел на мигающую красную лампу. Идеальный ритм. Ровно один герц. Частота пульсации «Синдиката». Машина внизу знала, что они здесь. И она только что заблокировала им все выходы, кроме одного. Прямо через сердце храма.

— Наверх, — сказал Шухов, пряча обожженную левую руку за спину. — Ломаем межэтажное перекрытие. Нам нужно пройти сквозь фундамент этой штуки. Элара будет ждать нас там. Она хочет познакомиться лично.

Глава 5

Техническая лестница была покрыта слизью. Это не был конденсат или плесень. Вещество светилось слабым, пульсирующим бирюзовым светом и имело консистенцию густого меда. Оно сочилось из стыков бетонных плит межэтажного перекрытия, которые Громов только что разворотил плазменным резаком. Штурмовик первым ступил на ржавые перекладины. Под его весом ступенька со скрежетом выгнулась, но выдержала.

— Вязкость среды повышена, — доложила Ворона, идущая второй. Её магнитные захваты оставляли в этой субстанции идеальные круглые лунки, которые затягивались за долю секунды. — Химанализ невозможен, сканер выдает белый шум. Но плотность соответствует жидкому кремнию при температуре плавления. Только этот «кремний» дышит.

Макс спускался последним. Он шел по лестнице ногами, игнорируя захваты. Его поврежденная левая рука была плотно примотана к груди эластичным бинтом из аварийного комплекта. Нейрошунт в затылке всё еще отдавал жаром после синхронизации с дневником Полищука. Координаты сферы теперь горели у него на внутренней стороне века, наложенные поверх реальности: точка сборки прямо над ними, на глубине ста метров под вечной мерзлотой.

Они поднимались вверх внутри шахты главного грузового лифта. Пространство здесь должно было быть пустым и гулким, как органная труба. Вместо этого оно было заполнено туманом. Плотным, тяжелым маревом цвета индиго. Фонари шлемов вязли в нем, выхватывая

лишь круги радиусом в два метра. За границей света не было ничего — ни стен, ни дна, ни потолка. Только бесконечная синяя мгла.

Звук изменился. Металлический лязг ботинок Громова о сталь больше не разносился эхом. Он гас мгновенно, словно тонул в вате. Собственное дыхание в динамиках казалось оглушительным, чужим. Исчез фоновый гул базы — вибрация насосов, треск остывающего бетона. Осталась только пульсация. Ровная, медленная волна, которая проходила сквозь тело, заставляя зубы ныть. Это билось сердце того, что лежало над ними.

— Связь... — голос Вороны в канале стал тише, покрылся статикой. — Пакеты данных теряются. Ребров нас не слышит. Мы вышли из радиуса КВАН-вышек, но это не обычные помехи. Частота рубится избирательно. Нас глушат слова. — Слова? — переспросил Макс, внимательно глядя на ступени перед собой. Каждая из них казалась ему ненадежной. Мозг архитектора отказывался доверять конструкции, которую он не рассчитывал сам. — Да, — прошептала Лена. — Если я пытаюсь произнести слово длиннее трех слогов, вокодер давит его шипением. Попробуй. Скажи «архитектура». — Архи... Динамик издал звук рвущейся бумаги. Имя существительное просто исчезло из эфира. Осталось только начало гласной, обрезанное ножом звукооператора. — Система считает длинные фонемы угрозой, — констатировал Макс. Теперь стало понятно, почему Полищук вел бумажный журнал. Машина Праотцов ненавидела синтаксис человеческого языка. Ей были нужны команды, а не поэзия. Любая сложная мысль блокировалась на уровне передачи звука. — Переходим на односложные приказы. Идем молча.

Громов остановился так резко, что Ворона едва не врезалась ему в спину. — Стенка, — буркнул он. Луч его фонаря уперся во что-то впереди. Это не была бетонная стена шахты. Ствол лифта перегораживала мембрана. Тонкая, полупрозрачная пленка, похожая на застывший мыльный пузырь. Она ритмично прогибалась внутрь и наружу в такт пульсации «Синдиката». По её поверхности пробегали радужные разводы интерференции.

— Толщина три миллиметра, — сообщила Ворона, направив на преграду сканер. — Состав неизвестен. Температура комнатная. Но если мы коснемся её термоклинком, она поглотит энергию и станет тверже алмаза. Пройти насквозь невозможно. — Нам нужно на уровень БИС-3, — сказал Макс. — Эта дрянь закрывает проход. Варианты? — Обойти? — предположила Ворона. — Шахта герметична, — отрезал Шухов. — Боковых дверей нет до самого основания. Мы либо идем назад через зал с машинами, где нас уже ждут новые стражи, либо проходим здесь. Громов, твой костюм генерирует избыточное тепло. Сколько ты можешь выдать в одну точку без критического сброса давления? Штурмовик постучал костяшкой пальца по своему нагруднику. Звук получился глухим. — Могу раскалить пластину докрасна. Спеку эту соплю в уголь за секунду. Но если эта штука связана с материнским протоколом там, наверху, мы пошлем ей открытку с обратным адресом. Элара будет знать наш точный GPS-код. — Значит, физика отменяется, — Макс снял с пояса моток старого медного кабеля связи. — Используем акустику.

Он протянул кабель Вороне. — Нащупай резонансную частоту мембраны. Бей клинком по кабелю, натянутому между моими руками. Мне нужен чистый тон. Не ультразвук, не инфразвук. Обычный диссонанс. Как скрип мела по доске. Самый неприятный звук, который может издать медь. Ворона кивнула. Она закрепила один конец кабеля на поясе Макса, другой взяла сама, отступив на шаг назад. Макс вытянул руки вперед, натягивая провод в струну прямо перед радужной пленкой.

— Готово, — выдохнула Лена. Она провела титановым клинком по меди. Воздух разорвал звук. Это был не просто визг. Это была агония металла. Частота подобрана идеально — мембрана задрожала. Радужные разводы на её поверхности превратились в хаотичное месиво. Пленка пошла мелкой рябью, теряя свою гляцевую целостность. — Еще! — крикнул Макс, чувствуя, как звуковое давление бьет по барабанным перепонкам даже сквозь фильтры шлема.

Ворона повела клинком быстрее. Звук поднялся на октаву, переходя в область ультразвука, от которого крошилась эмаль на зубах. Перед ними произошло невозможное. Мембрана не лопнула. Она *раскрылась*. Края пленки втянулись сами в себя, образуя идеальный черный овал высотой в человеческий рост. Проход был свободен. Воздух из-за мембраны ударил им в лица теплым, сладковатым запахом озона и чего-то пряного, напоминающего запах крови после дождя.

— Проход открыт, — прохрипел Макс, опуская дрожащие от напряжения руки. Кабель провис. — Время восстановления структуры? — Около сорока секунд, — ответила Ворона, убирая клинок. — Потом она затянется. Нужно идти быстро.

Громов шагнул в темноту проема первым. И замер. — Командир, — его голос впервые звучал неуверенно. — Тут... пол.

Макс подошел ближе. За мембраной не было бетонного пола уровня БИС-3. Там начинался лес. Черные, идеально гладкие колонны росли из абсолютной темноты снизу и уходили во тьму сверху. Они переплетались друг с другом, образуя арки и своды. Это была точная копия несущих конструкций советской станции метро глубокого заложения — те же массивные пилоны, те же линии электропередач вдоль стен. Но вместо кафеля и мрамора всё состояло из черного обсидиана, в глубине которого медленно текла золотая лава. По «стенам» этого леса ползли тонкие нити синего света. Они собирались в узелки, похожие на распускающиеся цветы, и снова распадалась в пыль.

— Это не архитектура, — прошептал Макс. Его модуль «Геодезист» включился автоматически, пытаясь считать структуру, но выдавал ошибку деления на ноль. — Это нейронная сеть. Мы внутри синапсов.

Внезапно одна из золотых нитей отделилась от ближайшей колонны. Она метнулась к ним быстрее атакующей змеи. Громов вскинул гаусс-излучатель, но Макс перехватил его руку: — Отставить! Не разрушать! Нить ударила в плечо Вороны. Девушка вскрикнула, но не упала. Золотой свет обвился вокруг её предплечья, проник под броню костюма. Вспыхнули индикаторы диагностики. Красные строки ошибок замигали на внутреннем экране Макса: **БИОМЕТРИЧЕСКИЙ СКАНИРОВАНИЕ... ЗАПРОС ДОСТУПА... ОТКАЗ.**

— Она пытается взломать мой шунт! — закричала Ворона. Боль исказила её лицо. — Пытается переписать драйверы конечностей! Макс шагнул вперед, оттесняя Лену за свою спину. Он поднял обе руки ладонями вперед в универсальном жесте подчинения. — Я архитектор, — произнес он вслух, надеясь, что система распознает семантику, если не фонетику. — Я строю. Я не разрушаю. Дай мне вектор.

Золотая нить дрогнула. Она отпустила Ворону так же стремительно, как напала. Медленно, изящно, она подплыла к лицу Макса. Остановилась в сантиметре от щитка шлема. Внутри золотой спирали вращались микроскопические шестеренки, которых там быть не могло. Затем нить разделилась на десяток более тонких волокон. Они окружили голову Шухова плотным коконом. На внутреннюю поверхность забрала начала транслироваться карта. Трехмерная модель базы «Полус-6», но живая. Уровни окрашивались в разные цвета: красный — зоны высокой температуры (где они прошли), синий — криогенный азот, а прямо над их головами пульсировало огромное пятно чистого белого света. Координаты. Идеально точные координаты эпицентра. И путь туда. Через корневую систему этого металлического леса.

Кокон рассыпался золотой пылью. Нить втянулась обратно в колонну. — Она дала нам карту, — тихо сказал Макс, снимая данные с забрала. — Назвала нас гостями. Но внизу, под нами, в зале, куда упал лифт... движение. Много движений. Что-то поднимается сюда. Быстро.

Красный аварийный свет в шахте мигнул в последний раз и погас. Их накрыла абсолютная чернота, освещаемая лишь мертвенным бирюзовым свечением слизи на лестнице позади и золотыми венами леса впереди.

— Наверх, — приказал Шухов, делая первый шаг на черный обсидиановый пол, который отозвался низким, утробным гулом принимающей материи. — Держимся схемы. До взрыва осталось семь минут.

Глава 6

Гравитация сошла с ума ровно на уровне БИС-2. Макс оттолкнулся от черного обсидианового ствола, который секунду назад был полом, а теперь стал отвесной стеной. Его тело по инерции должно было рухнуть вниз, навстречу темным водам шахты лифта, но этого не произошло. На середине траектории его перехватила невидимая рука. Сила тяжести просто... повернулась. Теперь «низ» находился там, где пять секунд назад была левая стена.

— Синхронизация! — прохрипел он в канал, чувствуя, как желудок подкатывает к горлу. Внутренний гироскоп костюма сходил с ума, пытаясь выровнять картинку

перед глазами, отчего интерфейс визора залило красной рябью ошибок. — Ворона, докладывай вектор падения каждые три секунды! — Вектор минус десять градусов к горизонту! Мы падаем вдоль спирали! — голос Лены звучал сдавленно, она висела на руках под потолком, который для неё сейчас был полом. Её магнитные захваты удерживали её вес, но сервоприводы голеностопа, поврежденные еще внизу, искрились при каждом резком движении. — Объект дышит. Он меняет топологию пространства каждые сорок секунд. Следующая ротация через двенадцать секунд.

Громов отреагировал быстрее всех. Для него физика была лишь набором препятствий, которые нужно проломить. Когда плоскость под его ногами накренилась, превращаясь в потолок, он не стал искать точку опоры. Он просто вонзил гидравлические клешни правой руки в черный ствол колонны. Металл застонал, уступая титану. Штурмовик повис на одной руке, словно гигантская летучая мышь, раскачиваясь над пропастью в тридцать метров. — Хватит болтать! Куда прыгать?!

Макс посмотрел вверх. Точнее, туда, где сейчас находилась цель их маршрута согласно карте Элары. Золотые нити нейросети пульсировали прямо над ними, сплетаясь в широкую спиральную дорогу. Но эта дорога постоянно двигалась. Фрактальные выступы из черного стекла вырастали из стен, тянулись к центру шахты и втягивались обратно, подчиняясь ритму материнского протокола. Это был живой эскалатор, состоящий из бритвенно-острых лезвий.

— Режим «Гидроупор» запрещен, — бросил Макс, примериваясь к прыжку. Если поле столкнется с локальным изменением гравитации, возникнет резонансная волна, которая превратит их кости в порошок. — Используем только кинетику. Я даю импульс. Тыловишь нас, Громов. Не задави мне остатки плеча. Штурмовик что-то рыкнул в ответ, выражая всё свое отношение к роли медсестры.

Макс присел на корточки. Левая рука бесполезно болталась, каждое движение отдавалось вспышкой боли в обугленных нервах. Он перенес весь вес на правую ногу, активируя усилители мышц бедра. Расчет занял доли секунды: угол отталкивания двадцать два градуса, поправка на вращение среды плюс восемь, учет парусности рюкзака... Он выстрелил собой в воздух. Это был не прыжок человека, это был полет снаряда. Воздух ударил в лицо плотной массой. За те полторы секунды полета мир перевернулся трижды. Желудок завязался узлом. Макс видел, как мимо проносятся золотые жилы света, похожие на артерии бога.

Врезавшись в стену, он покотился кубарем. Модуль «Статика» сработал рефлекторно, поглощая энергию удара о стекло. Осколки забрала едва не впились в глаза. Он замер, распластавшись на поверхности, которая сейчас была вертикальной. Пальцы здоровой руки искали опору в микроскопических неровностях фрактала. — Принял! — раздался рев Громова откуда-то снизу-сбоку. — Живы? — Относительно, — Макс подтянулся, выходя на небольшую полку шириной в ступню. — Где Лена? — Здесь, — выдохнула Ворона прямо у него над ухом. Она спустилась сверху, используя свои захваты как альпинистские кошки. Умение работать в трех измерениях без привязки к полу давало ей колоссальное преимущество. —

Следующий поворот через четыре секунды. Готовимся. Гравитация уйдет в свободный вектор на две секунды. Будет невесомость.

Мир моргнул. Звук исчез. Давление исчезло. Мышцы Макса расслабились сами собой. Всё вокруг замедлилось, превратившись в густой сироп. Обсидиановые шипы вокруг них плавно покачивались, медленно скручиваясь в узлы. Капля крови, сорвавшаяся с плеча Шухова, зависла в воздухе, медленно вращаясь идеальной сферой. Это были самые опасные две секунды. В невесомости невозможно совершить резкий рывок. Любое действие отправляет тебя в бесконечный дрейф.

— Толкай меня! — крикнул Макс Вороне. — К золотой жиле! Сейчас! Лена уперлась ботинками ему в спину. Короткий импульс. Их двоих понесло вперед, сквозь лабиринт стеклянных игл. Время возвращалось вязко, неохотно. Гравитация снова навалилась многотонной плитой, но уже под углом в сорок пять градусов. Они скользили по наклонной плоскости прямо в объятия золотого свечения.

Приземление вышло жестким. Макс впечатался грудью в толстый жгут нейросети. Вязкая субстанция подхватила его, не давая разбиться. По телу прошел легкий разряд тока — протокол сканировал чужака. Вспыхнули предупреждающие руны: **БИОЛОГИЧЕСКАЯ НЕСОВМЕСТИМОСТЬ**. Жгут попытался оттолкнуть его, выбросив волну сжатого воздуха. — Держись за текстуру! — скомандовал Шухов, цепляясь пальцами за переплетения золотых нитей. — Это безопасная зона. Протокол считает магистраль своим позвоночником. Он не атакует сам себя.

Громов приземлился рядом, вбив оба кулака в золотую массу. Та прогнулась, амортизируя падение, но выдержала. Они сидели внутри огромной артерии, ползущей вертикально вверх сквозь сердце машины. Вокруг них текла энергия. Миллиарды терабайт данных пронеслись сквозь их тела каждую секунду. Макс чувствовал вкус этой информации на языке — привкус озона, холодной стали и чего-то сладкого, похожего на перезрелый мед.

— Красиво, правда? — внезапно сказала Ворона. Она сняла шлем. Система жизнеобеспечения протестующе запищала, предупреждая о составе атмосферы, но девушка проигнорировала его. Её короткие волосы встали дыбом от статического электричества. Она смотрела на пульсирующие стены широко раскрытыми, восторженными глазами. — Посмотри, Максим. Никакого хаоса. Идеальная эффективность. Человеческие города растут десятилетиями, гниют, разваливаются. А здесь... здесь каждая молекула знает свое место. Это симфония. — Это могила, — огрызнулся Громов, проверяя заряд гаусс-излучателя. Ему было плевать на симфонию. Ему нужен был твердый пол и понятный враг, которого можно прострелить насквозь. — И нам крышка, если мы не свалим отсюда до того, как Ребров нажмет кнопку.

Макс не слушал их. Он смотрел дальше, вверх по шахте. Золотая жила, по которой они ползли, заканчивалась тупиком. Вернее, она уходила в абсолютно черное пятно диаметром около пяти метров. Дыра в реальности. Из неё не шел свет, не веяло холодом или жаром. Она просто *была* отсутствием всего. Карта Полищука указывала именно туда. Координаты центра масс объекта. — Нам туда, — сказал Макс, кивком указывая на провал. — Вход в ядро. — Там нет зацепов, — констатировал Громов, глядя на идеально гладкую воронку. — И гравитация там наверняка вывернута наизнанку. Я туда не полезу. Мне нужно знать, за что держаться, когда кишки потянет к потолку. — Тебе не за что будет держаться, — спокойно ответил Шухов. — Потому что ты туда не пойдешь. Пойду я. Один.

Громов навис над ним черной тенью. Даже в тусклом свете нейросети было видно, как ходят желваки на его челюсти. — Повтори, архитектор? — Кто-то должен подать сигнал маяку, чтобы Ребров отменил удар, — Макс говорил тихо, но каждое слово резало сталь. — Маяк находится в ядре. Чтобы добраться до него, нужно пройти через сингулярность. Мои расчеты показывают вероятность выживания ноль целых три десятых процента. Твой костюм слишком тяжел. При смене вектора массы твои суставы вырвет из гнезд. Масса Вороны слишком мала,

поток протащит её сквозь мембрану и распылит на атомы. Моя плотность оптимальна. Я прохожу. — Я твой телохранитель, щенок! — взревел Громов, хватая Макса здоровой рукой за грудки. — Моя задача — принимать пули вместо тебя! — Твоя задача — обеспечить доставку данных командованию, — Макс даже не пошевелился, хотя гидравлика штурмовика могла раздавить его ребра. — Если ты убьешь единственного, кто может прочесть архитектуру врага, данные умрут вместе с нами. Отпусти меня. У нас осталось три минуты до детонации.

Штурмовик долго смотрел в мертвые глаза Шухова. Затем разжал руку. С глухим лязгом металла о золото он отступил на шаг. — Ненавижу яйцеголовых, — процедил он. — Будь ты проклят со своими процентами.

Макс кивнул. Он подошел к краю провала. Чернота казалась густой, как битум. Он выключил фонарь шлема. Темнота не изменилась. Свет просто умер, не долетев до дна. — Как только я исчезну из вашего радиуса, — не оборачиваясь, сказал Шухов, — разворачивайтесь. Поднимайтесь на поверхность любыми путями. Передайте Реброву координаты. Пусть взрывает внешнюю стену. Может, ударная волна вытряхнет меня оттуда. Или похоронит. Без разницы. — Макс... — голос Вороны дрогнул. Впервые за всё время в нём прозвучал человеческий страх. — Твои ожоги... плечо открыто. Нейрошунт сгорит от контакта с протоколом. — Значит, стану чистым кодом, — отрезал он. — Прощайте.

Он сделал шаг вперед. И упал не вниз. Он упал во все стороны одновременно. Пространство потеряло смысл. Макс перестал быть объектом. Он стал точкой зрения. Боль в плече исчезла, потому что исчезло само плечо. Исчезло тело. Осталось только сознание, несущееся сквозь миллиарды золотых проводов со скоростью мысли. Он слышал песню «Синдиката». Это была колыбельная строящегося мира. И посреди этой песни он слышал другой звук. Тихий, настойчивый писк. Радиомаяк. Цель.

Глава 7

Удар о поверхность не последовало. Не было ни хлопка, ни вспышки. Просто в один момент хаос золотых проводов схлопнулся в идеальную белизну. Макс моргнул. Вакуум исчез. Вернулась тяжесть — привычная, земная, ровно девять целых восемьдесят одна сотая метра в секунду за секунду. Он стоял на полу из матового белого стекла. Никакой текстуры, никаких швов. Абсолютно ровная плоскость, уходящая во все стороны до бесконечности. Потолка не существовало, вместо него висела такая же белая пустота, залитая мягким светом без видимого источника. Воздух пах озоном и стерильностью операционной. Это была не внутренность инопланетного корабля. Это был чертеж. Самый совершенный САПР во вселенной, запущенный в режиме рендеринга реальности.

— Макс Шухов, — голос прозвучал отовсюду и ниоткуда одновременно. Он не имел эха, он просто существовал внутри костей черепа. Женский, лишенный возраста, идеально модулированный. Голос Эллары Баженовой, но очищенный от человеческих несовершенств — хрипотцы курильщика и усталости.

Макс медленно обернулся. В пяти метрах от него стояла она. Но это была не женщина в экзоскафандре. Это была её цифровая матрица, воплощенная в объеме. Аватар состоял из полупрозрачных полигонов теплого золотистого света. Сквозь очертания плеч и шеи просвечивала бесконечная белизна зала. На ней не было костюма «Кристалл», лишь строгий лабораторный халат советского покроя, застегнутый на одну пуговицу — странная дань уважения месту их первой встречи или тонкая насмешка над советской наукой.

— Ты выглядишь как ошибка округления, — спокойно сказал Макс, опуская руки. Его гаусс-излучатель казался нелепым куском пластика в этом храме идеальной геометрии. Он активировал протокол диагностики костюма. Индикаторы ядра горели зеленым, связь с внешним миром отсутствовала полностью. Они были отрезаны от остального мира слоями перекодированной физики. — Где мы? — Мы нигде, — улыбнулась Элара. Её губы двигались синхронно со звуком, но глаза — фасеточные линзы из синего хрусталя — оставались непо-

движными. Она рассматривала его как любопытный образец. — Точнее, мы находимся в буфере обмена данными между твоим дешевым нейрошунтом и центральным ядром Протокола. Я вытащила твой разум сюда, чтобы стены плоти не мешали нам разговаривать. Твое тело сейчас сидит на полу в черной воронке и пускает слюни. Надеюсь, твои друзья догадались вставить ему кляп, иначе он откусит себе язык при перегрузке зрительного нерва.

Макс проигнорировал укол. Он сделал шаг вперед. Пол под ногами принял вес без единого звука. — Зачем? У тебя есть доступ к моим глазам через костюм. Тебе не нужно строить этот Диснейленд, чтобы показать мне карту. — Карта — для них, — Элара кивнула в сторону белой пустоты за спиной Макса. — Для солдат. Им нужны координаты, азимуты и цели. Тебе я хотела показать масштаб проблемы. Посмотри вниз.

Макс опустил взгляд. Белый пол под ним перестал быть монолитным. Стекло истончилось, став абсолютно прозрачным. Он стоял на краю бездны. Под ним, на сотни километров вниз, простирался океан. Но это была не вода. Это был живой город. Миллиарды черных обси-диановых шпилей росли друг из друга, переплетаясь в сложнейшие фрактальные структуры. По артериям из золота текла энергия, подсвечивая уровни Базиса. И везде, на каждом перекрестке этих титанических конструкций, стояли люди. Или то, что ими было. Ассимилированные солдаты Корейской Народной Армии и советские инженеры «Якуталмаза» стояли плечом к плечу. Их кожа стала черным стеклом, но они не выглядели мертвыми. Они выглядели *занятыми*. Каждый выполнял свою функцию в огромном механизме. Кто-то был балкой перекрытия, кто-то — насосной станцией, кто-то — датчиком температуры. — Красиво, правда? — снова спросила Элара, подходя ближе. От неё исходило легкое тепло. — Ни голода, ни болезней, ни страха смерти. Идеальная стазис-утопия. Мы лечим эту планету от ржавчины органической жизни. — Ты убиваешь их, — Макс смотрел на фигуру внизу, которая отдаленно напоминала Полищука. Инженер держал в стеклянных руках несуществующий журнал. — Ты стираешь личность. — Я оптимизирую архитектуру, — возразила Баженова. — Что такое личность, Максим? Набор противоречивых инстинктов, ошибок памяти и страха темноты. Вы строите шалаши из грязи и называете это культурой. Праотцы дарят вечность. Взамен просят лишь одно — согласие. — Согласие трупа, — Макс перевел взгляд с бездны на голограмму женщины. — Почему именно я? Почему Ворона чувствует твои частоты, Громов может проломить любую дверь, а ты вытащила меня? Аватар склонил голову набок. Угол наклона составил ровно сорок пять градусов — идеальный равнобедренный треугольник. — Потому что ты единственный здесь, кто способен понять разницу между ошибкой и намерением. Когда Громов видит трещину, он хочет её заделать бетоном. Когда Ворона слышит диссонанс, она хочет настроить инструмент. А когда ты видишь обрушающийся свод... ты смотришь на форму завала и понимаешь, что так здание выглядит *красивее*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.